

«Да бросьте церемонии», — с притворным недовольством вздохнул мужчина. Он обвёл взглядом комнату и торжественно объявил: «Позвольте и мне представиться. Меня зовут Тан Исян. Я единственный, кто здесь вправе принимать решения. То, что сегодня произошло, — моя вина. Прошу прощения. Закажите, что пожелаете, всё за счёт заведения».

Тан Исян взглянул на трёх «официантов» и спросил у начальника Хоу: «Разве они не из вашего отдела? Когда их перевели в обслуживание?»

«Сегодня не хватало людей... поэтому временно...» — начальник Хоу и сам понимал, насколько бледно звучит оправдание, и не смог договорить.

«Не надо «временно». Вы трое — выйдите. С вами разберёмся позже». Тан Исян повернулся к начальнику Хоу. «Вы тоже можете выйти».

Когда поражение стало окончательным, страх в Гао Сичжи вдруг уступил место апатии. Он с покорностью обречённого спросил у Чжоу Синьи и Тана Исяна: «Как вы узнали, что я знаком с начальником Хоу? И как вы знакомы между собой?»

«А разве мы не можем быть знакомы? — высокомерно парировал Тан Исян. — Так же, как эта кофейня — семейный бизнес, Синьи — мой давний друг». Он вдруг вспомнил и обратился к Чжоу Синьи: «Кстати, ты так и не рассказал, как всё раскопал».

Гао Сичжи нахмурился ещё сильнее.

Тан Исян на секунду задумался. «Синьи часто захаживает сюда выпить кофе. Лет четыре-пять назад я случайно заметил, что начальник Хоу за ним приглядывает. Всякий раз, как Синьи появлялся — неважно, с кем, — Хоу не спускал с его кабинета глаз».

Хуан Ган подхватил: «Тогда Исян сказал об этом Синьи. Тот ничего особого не ответил, только велел присматривать за начальником Хоу попристальнее. Он сразу понял, что того кто-то подкупил, но кто — не мог докопаться, пока...» Хуан Ган взглянул на Чжоу Синьи, не решаясь продолжить.

Чжоу Синьи кивнул, давая понять, что понял. «Пока Мэньюй не пришла ко мне из-за адвоката Хэ».

Хэ Е резко повернулся к Чжоу Синьи, не скрывая жгучего интереса.

Чжоу Синьи неловко отвел взгляд, уставившись в Гао Сичжи. «В телефоне Мэньюй я увидел, что ты звонил ей несколько раз той ночью и отправил одно сообщение. Судя по времени, это было уже после того, как она...» Чжоу Синьи поморщился, с трудом выдавливая слова. «...после того, как она вскрыла вены».

Лицо Хэ Е побелело сильнее, чем у Гао Сичжи. Чжоу Синьи тяжело закрыл глаза. «В сообщении ты беспокоился, спрашивал, не случилось ли чего. Само по себе это было не странно. Я предположил, что Мэньюй могла звонить кому-то, разыскивая тебя. Но в её телефоне не было ни звонков тебе, ни твоего номера в контактах. Это меня насторожило».

Тан Исян слушал, ничего не понимая, но стеснялся перебить, поэтому лишь внимал.

Чжоу Синьи продолжил: «Я выяснил, на кого зарегистрирован номер. Узнал, что этот человек постоянно рядом с тобой. Тогда я связал факты воедино и специально выбрал это место для встречи. Наверное, Мэньюй боялась, что я однажды увижу твоё имя, поэтому и не сохранила

номер».

Так уж вышло. В тот день Гао Сичжи уговорил Чжан Жань помешать Хэ Е улететь с Лян Мэньюй в Шанхай. После её ухода он, беспокоясь о Мэньюй, несколько раз ей позвонил. Он и подумать не мог, что эти звонки станут ключом к разгадке для Чжоу Синьи.

Гао Сичжи, конечно, не стал рассказывать правду. «Она звонила мне, спрашивала, где ты, — буркнул он с неудовольствием. — Я сперва не понял, в чём дело. Потом, много позже, мне стало не по себе. Я перезвонил — а она уже не отвечала». Он понизил голос. «Сам виноват. Нечего было о ней беспокоиться».

В его словах явственно звучала накопившаяся за годы горечь. Хэ Е, услышав это, не мог не среагировать. Он нахмурился и строго сказал: «Нельзя срывать злость на других только потому, что что-то пошло не по-твоему. Неужели ты не мужчина?»

Гао Сичжи повернулся к Хэ Е, и в глазах его мелькнуло такое бешенство, будто он готов был его задушить. «А ты-то сам мужчина? — едко спросил он. — Ты свою женщину защитить не смог. Где ты был, когда Мэньюй лежала в постели у Чжоу Синьи?»

Хэ Е слышал такие оскорбления не в первый раз. Первым и самым жестоким оскорбителем была не чья-то злоба, а сама реальность, которую он был вынужден принять. На её фоне любые слова казались пустыми.

Он неподвижно уставился в пространство перед собой, словно слова Гао Сичжи не имели к нему ни малейшего отношения. Будто всё вокруг, весь мир, отдалились и исчезли. Ощущалось лишь одно — ноющая боль в истерзанном сердце.

Но Чжоу Синьи оставаться безучастным не мог. Его ледяной взгляд впился в Гао Сичжи, и тот почувствовал внезапный, необъяснимый страх. Не успел он опомниться, как кто-то сзади с силой ударил его по ногам. От боли он потерял равновесие и рухнул на колени, больно стукнувшись о пол. Он сдавленно крикнул, но упрямо поднял голову, глядя на Чжоу Синьи.

Гао Сичжи попытался встать, но Чжао Ши и Чжао Кэ схватили его за плечи, прижимая к полу.

«Чжоу Синьи, ты совсем обнаглел!» — в ярости закричал Фан Шэнда.

Чжан Жань хоть и сочувствовала Гао Сичжи, но, услышав его слова, тоже рассердилась и не захотела за него заступаться. Она переживала лишь за Хэ Е, поэтому бросилась к нему и схватила за руку. «С тобой всё в порядке?» — тревожно спросила она. Хэ Е молча покачал головой. Его взгляд был прикован к Чжоу Синьи, а на лице читалась сложная гамма чувств.

Чжоу Синьи избежал этого взгляда. Он слегка наклонился, встретившись глазами с распростёртым перед ним Гао Сичжи. «У меня нет времени на воспоминания! — сказал он. — Позволь закончить». Он медленно, не спеша, зашагал к Гао Сичжи. «Едва я прибыл сюда, менеджер Тан сообщил мне, что за этим кабинетом следят. Поэтому, когда мисс Чжан вошла и произнесла от силы десятков фраз, я уже начал догадываться о её цели».

Чжоу Синьи вдруг посмотрел на Чжао Кэ. «Скажи им, зачем я оставил тебя в кабинете».

Чжао Кэ принял официальный вид. «Господин привёл людей, чтобы проучить мисс Чжан. Но наши ребята — народ горячий. Господин оставил меня здесь, чтобы не допустить перегибов и чтобы в нужный момент был свидетель».

Чжоу Синьи подошёл к Гао Сичжи вплотную. Он слегка наклонился и прошептал ему на ухо так, чтобы слышал только он: «Эти трое «официантов» так долго не появлялись, потому что охрана далеко и они задержались в пути?» Не дав тому ответить, он сам продолжил: «Если я скажу, что камеры в коридоре чётко зафиксировали, как они выскочили из соседней комнаты и ворвались сюда, думаю, даже господин Фан перестанет за тебя заступаться». И снова, не дожидаясь ответа, добавил: «Должен признать, ты беспощаднее меня».

Гао Сичжи смотрел на Чжоу Синьи с лютой ненавистью. Тот усмехнулся, медленно протянул руки и снял ладони Чжао Ши и Чжао Кэ с плеч Гао Сичжи. Затем он посмотрел ему в глаза, взял за руку и помог подняться. Словно государь, милостиво поднимающий провинившегося сановника. Или наставник, протягивающий руку падшему ученику.

Чжоу Синьи выглядел одновременно неприступным и милостивым, величественным и доступным. Гао Сичжи смотрел на него, на миг забыв всё, позволяя помочь себе встать.

Я могу поставить тебя на колени и лишить возможности сопротивляться. Но я же могу с царственной снисходительностью улыбнуться и помочь тебе подняться. Вот что означал этот жест.

<http://bllate.org/book/15947/1425645>